

РЕЛИКТЫ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ И ОБРЯДОВ

СУХОТИНУШКА

Метро, электричка, автобус — еду в деревню Крюково Наро-Фоминского района, чтобы встретиться с местными песенницами и подготовить «почву» для проведения летней фольклорной практики моих учеников — начинающих музыковедов из училища им. Гнесиных. Мне повезло — попутчицей в автобусе оказалась улыбчивая и разговорчивая молодая женщина, дочь Е. Д. Прибыловой, руководительницы крюковского фольклорного ансамбля. «Разведку» можно было начинать.

— Ой, у нас весело! Под старый Новый год ходят ряженые, всякие шутки творят, иногда двери подпирают, утром из дома не выйдешь, на масленицу в клубе складчину устраивают, блины пекут, поют, а еще, знаете, как интересно летом, если дождя долго нет, бабки собираются, Сухотинушку хоронят...

Вот так в автобусе я впервые услышала о Сухотише. Студенческая экспедиция состоялась. Были интересные встречи, записи песен. А у меня началась многолетняя дружба с замечательными крюковскими песенницами, плясуньями, сочинительницами стихов. Они-то и разыгрывали похороны Сухотины, от них-то я и узнала ее историю...

* * *

Шло лето 1942 года. Деревня постепенно оживала после ужаса оккупации. Начали прибираться, весной принялись и за огороды, каждое семечко — надежда на жизнь... Но июнь вышел жаркий, без дождей. Ставшие уже набирать силу ростки сникли, пожухли, того гляди, отпадут. И покосные луга, и поля стояли сирые, все измучилось, иссушилось, закаменело.

Тогда-то Лушка Носикова и предложила:

— Давайте Сухотину-то схороним, может, дождя накличем...

— Как это? Что за Сухотина?

— Сроду ничего такого не слышали.

— У нас поп с иконой в поле выходил дождя просить, да это еще когда было-то?!

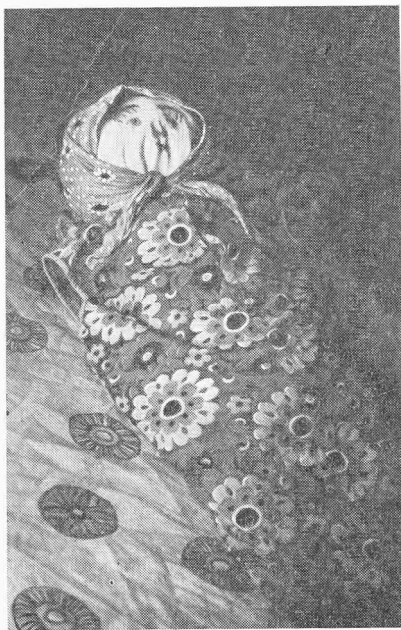

Рис. 1. Лежит Сухотинушка, прибранная для похорон

Рис. 2 Несут Сухотинушку. Кто плачет, а кто и смеется

Лушка была приезжая — «Калуга», но и Татьяна Неживенкова, тоже из бывшей Калужской губернии и даже из близкой деревни, и она ничего про Сухотину не знала. Вот Лушка и рассказала. И как рассказала, так и сделали.

В доме у Федоры Бороненковой собрали куклу-Сухотину. В белую тряпку набили ветоши, сделали шар — голову, к нему прикрепили другую тряпку, жгутом скрученную — туловище. На голову платочек повязали, на туловище детское платьице надели, угольком глазки и ротик наметили, из дощечек ящик-гробик смастерили. Лежит Сухотина в гробике на столе, прибранная, как покойник... И тут вдруг поверили и запричитали:

Милая моя Сухотинушка,
 Надоела ты нам надоскучила!
 А и все же у нас погорело,
 А и все ж у нас посохло!
 А ничего-то мы не увидим,
 Ни картошечки, ни капусточки,
 Ни капусточки, ни огурчиков...

Заголосила Лушка, за ней остальные...

И Сухотинушка наша милая!
 И замучила ты, нам надоскучила!
 И что же мы теперь будем делать?
 И спаси ты наши души грешные,
 Пожалей ты наших малых детушек.
 А что же мы теперь будем делать?
 А как все посохнет, засохнет, завянет,
 А куда ж наши головушки денутся тогда?!
 А наши малые детушки будут мучаться...

Потом привычно продернули под концы гробика два полотенца и подняли его. И как полагается, с вытьем, с голошением, со слезами понесли его на кладбище. Причитали уже и об изголодавшихся детях, и о погибших мужьях, и об ушедших на войну сыновьях. На краю кладбища вырыли ямку и закопали Сухотину. Закопали усердно, все по горстке земли бросили, словно засыпали, упрятали всю войну, все навалившееся горе. А когда, возвращаясь, подходили к домам... хлынуло. Пока заняты были, не заметили, откуда и туча набежала. Конечно, никто всерьез не поверил, что из-за Сухотины, но на душе стало легко.

И с тех пор не раз бывало, что если засушит — Сухотину хоронили, а если дожди беспросветные — Мокротину на кладбище несли и тогда при-

читали по-другому:

Усе у нас попрело,
Усе у нас потлело,
Ничего у нас не останется,
Ни у поле, ни на огороде...

Или так:

Мокротипа ж моя дожжичка!
Помолись Богу, чтобы солнышко согрело,
Хлебушко наш поспел ба.
А то уже все помокло,
Уся земля мокрая,
Усе ж хлеб-то весь прееет.
Мокротинушка, помолись Богу,
Чтобы мы хлебушка убрали
И зернушко прибрали...
И чтоб мы сыты были!

Правда, теперь не по-военному все делали, неспешно, чин по чину. Сухотину или Мокротину убирали даже тюлем, обкладывали цветами. Вместо тряпичного чучела стали иногда хоронить детские куколки — все покрасивее, а после похорон складчину устраивали — «поминки». Иногда прямо на лугу, недалеко от кладбища, иногда у кого-нибудь в доме. Похороны Сухотины стали для женщин, как и праздники, поводом для общения, совместного действия, дающего разрядку скопившейся хозяйственной и душевной озабоченности.

«Что делаем, что делаем! Поем, пляшем!» — рассказывает Татьяна Антоновна Неживенкова. Это она уже теперь рассказывает, почти через 40 лет после того, как впервые в Крюкове схоронили Сухотину и... через несколько дней как схоронили ее в последний раз.

— Татьяна Антоновна, вы бы мне телеграмму прислали, я бы приехала.

— Что ты-ы, я бабам-то и говорю — Таньки-то нет (это обо мне), как ведь она посмотреть хотела...

Что же, не посмотрела, как было, но посмотрела, как бывает. Женщины все мне показали. И куклу сделали, и в гробик положили, и попричитали, и сводили на могилку последней Сухотинушки.

— Ну что, Лукерья Васильевна, помогло в этот-то раз?

— Да нет, дождя-то еще долго не было.

Смеется и машет рукой. — Да это все шутка такая.

И тут же, обращаясь к Татьяне Неживенковой уже без смеха и с деловитым упреком. — Не надо нам было после песен петь, да и куклу бы не надо магазинную — наш труд тряпичный.

— Лукерья Васильевна, а как хоронят Сухотину там, у вас, в Калужской области?

— Да не знаю я ничего, один раз только при мне и хоронили. На льнах мы были, пололи. Засуха стояла страшная, траву из земли не выдерешь, все руки поисцарапали. Вот бабы и говорят — надо Сухотину схоронить. Кто платок дал, кто фартук, кто рукав отодрал, на работу ведь в плохоньком ходили — собрали куклу-то и на кладбище. Платки с себя снимали, паневы распустили, идем плачем, а кто и смеется.

«На льнах», «лен пололи», «труд наш тряпичный» и кукла должна быть тряпичная... Значит то, что совершалось теперь, в современной деревне, в черте столичной области было отголоском древнего суеверно-магического действия.

— Не надо бы магазинную, — повторяла Лукерья Васильевна, — тряпичную бы свернули, вымочили бы ее всю, чтобы скорее сопредела...

Они прекрасно понимают, что все это игра, и, оглядываясь друг на друга, включаются в нее. Вот только причитают совершенно всерьез — у каждой за плечами много пережитого горя, слезы близко, и причет сам собой выливается. Для чего же это все? Когда в последний раз Сухотину зарыли, Лукерья Васильевна присказала: «Ну вот, мы свое дело сде-

лали, а там уж как решат». Сделать свое дело, не сидеть сложа руки, не мириться — вот что подталкивает этих женщин совершать свой наивный обряд, что подталкивало, должно быть, и наших далеких предков торопить приход весны похоронами чучела зимы в последний день масленицы, хоронить куклу-Кострому в пачале лета, чтобы вовремя пролились дожди, чтобы удался лен... Извечное желание человека быть услышанным природой.

Т. С. Шенталинская

СТРАННЫЕ ПОМИНКИ

Все село собралось на годовые поминки в дом Саулаха, чтобы отметить память его отца, всеми уважаемого Хирипса. Днем уже совершились предписанные в этих случаях ритуалы, наступила ночь, а с ней и ночное сидение (*ачапшара*) молодежи у *аншана* — разложенной на тахте одежды покойного. Для ачапшара собралось много юношей и девушек; ночь проходила в веселье, песнях и шутках, в рассказах легенд и сказок, загадывании загадок. Разделившись на два хора, молодежь исполняла песни. Развлечения продолжались до утренней зари. Судя по настроению участников ачапшара, можно было подумать, что в доме происходит свадебное торжество, а не поминальный обряд — событие печальное для близких и односельчан. Однако веселье, шутки и песни сопровождали именно поминальную ночь. Н. С. Джанашиа, описавший этот любопытный абхазский обычай конца XIX в., указывает, что подобные песни исполнялись «только при поминках стариков и старух, отживших свой век»¹.

Если обратиться к этнографическим материалам по некоторым другим народам Кавказа, то тоже можно встретить факты, на первый взгляд не совсем понятные. Так, в церемониях похорон лиц старшего возраста обычай допускал значительное смягчение различного рода траурных установлений. У грузин-гурийцев, например, в тризне по старику разрешалась мясная пища, недопустимая в поминальном столе в случае смерти молодого человека. У тех же гурийцев траур для близких родственников прекращался на 40-й день, если покойник был преклонного возраста, и соблюдался неизмеримо больший срок, если умирал молодой человек². У другой этнографической группы грузин — хевсур, когда умирал старик, траур соблюдался также не очень строго. «Напротив, — отмечают очевидцы, — в таких случаях хевсуры разрешают себе даже шутки»³. После поминального обеда все расходилось по домам. На ночь же оставались только те, кто по обычаю должен был развлекать родных разными веселыми историями и поддерживать горевший огонь⁴. С. Макалатия замечает, что у мохевцев (грузины-горцы Центрального Кавказа) «смерть молодого вызывает много слез и горя, а старых людей — меньше»⁵.

Приведенных фактов немного, однако достаточно, чтобы обратиться на них внимание и попытаться как-то их истолковать. Здесь выглядит странным не само проникновение в печальную церемонию похорон и поминок элементов веселья и праздничного поведения участников. Такого рода сведения вызывают недоумение в основном по другой причине. Они выступают резким контрастом по сравнению с тем высоким положением, которое занимали лица старших возрастных групп в

¹ Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 86—87.

² Цуладзе А. Этнографическая Гурия. Тбилиси: Мецниереба, 1971, с. 132, 134 (на груз. яз.).

³ Камараули А. Я. Хевсурия. Тифлис, 1929, с. 110.

⁴ Там же, с. 109.

⁵ Макалатия С. Этнография картвельских племен, ч. 3. Рукопись докторской диссертации. — Архив Ин-та этнографии АН СССР, д. 77, л. 32.